

Жерар Гийома: «Я заставил себя полюбить Смердякова» | Gérard Guillaumat: "Je me suis forcé d'aimer Smerdiakov"

Author: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 22.09.2010.

Французский актер наполовину русского происхождения Жерар Гийома (© NG.ch) совсем недавно, рассказывая о спектакле «Происшествия» по текстам Даниила Хармса, шедшем на женеvской сцене в рамках фестиваля La Bâtie, мы обещали

поближе познакомить читателей с одним из его участников, французским актером Жераром Гийома. Пожалуйста, знакомьтесь.

Il y a quelques semaines, en parlant du spectacle "Faits divers" de Daniil Harms, joué sur la scène genevoise dans le cadre du festival La Bâtie, nous avons promis de vous présenter un des comédiens, l'acteur français Gérard Guillaumat. Il est temps de tenir notre promesse.

Gérard Guillaumat: "Je me suis forcé d'aimer Smerdiakov"

Жерар Гийома родился 25 мая 1923 года в поезде «Москва-Париж» от мамы-француженки, танцовщицы кордебалета в труппе Сергея Дягилева, и русского папы, одного из дирижеров в той же труппе. К счастью для мальчика, факт его рождения был зафиксирован уже по приезду в Париж, благодаря чему никаких вопросов о его гражданстве не возникло. Да, вероятно, и не возникло бы, ведь родители в браке не состояли.

О своем биологическом отце Жерар Гийо

Жерар Гийома и постановщик спектакля "Происшествия" Изабель Хладек ма говорить явно не хотел, даже фамилию отказался назвать, называя себя «продуктом авантюры» и ссылаясь на то, что общался с родителем крайне мало. Но из нескольких оброненных фраз понятно, что он не может простить ему неуважительного уважения к матери и присутствия в его жизни слишком большого числа «других женщин». Зато Жерар с нежностью вспоминает свою тетю, сестру отца, которая в детстве рассказывала ему множество русских сказок, правда, на французском языке.

Вообще, в ходе нашего душевного разговора, состоявшегося в одном из кафе близ женеvского вокзала рано утром – до репетиции и вечернего спектакля, стало ясно, что, несмотря на неприязнь к отцу, Россия в сердце господина Гийома занимает особое место.

- Я никогда не забуду мои единственные гастроли в Москве, - рассказывает мой 87-летний собеседник. - Это было в 1960-х годах, со знаменитым театром TNP, Национальным Народным театром. В то время иностранные гастроли были в СССР редкостью, до нас из Франции в Россию приезжал только Жан Вилар, до 1963 года возглавлявший этот театр и стоявший у истоков его создания. Мы играли «Тартюфа» Мольера и бурлескный вариант «Трех мушкетеров». Я был потрясен - совершенно очевидно было, что публика знала оба текста не хуже нас, а такие роскошные букеты, как в Москве, я больше никогда не получал.

Наша газета.ch: А как вообще Вы пришли в театр? Было ли это осуществлением детской мечты?

Жерар Гийома: Нет, в детстве я мечтал только об одном - быть с мамой. Увы, такое счастье выпадало мне не часто - мама, несмотря на страстную любовь к балету, талантом не обладала, поэтому из труппы Дягилева ей пришлось уйти, и она зарабатывала на жизнь, работая гувернанткой в бога

Жерар Гиойма читает Даниила Хармса
тых семьях, а я жил в пансионе.

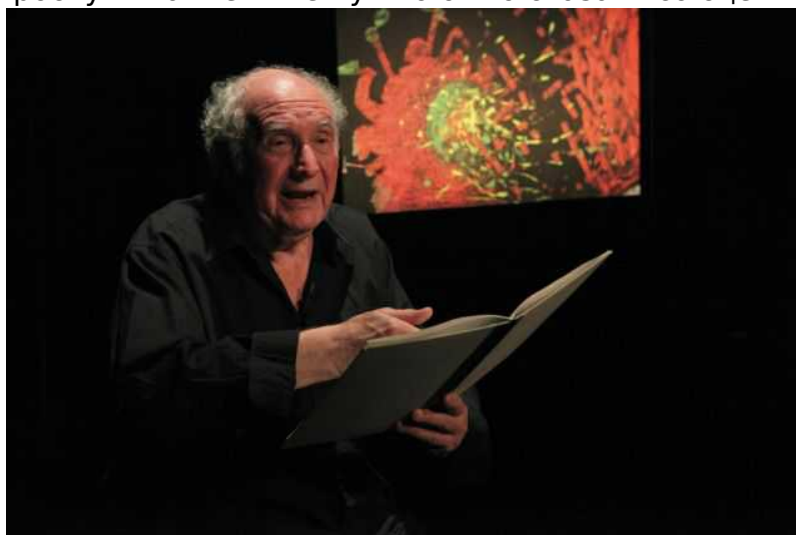
Как и для всех людей моего поколения, на мою молодость пришлась война. Во время оккупации Франции я жил в Пуатье и был связным между "мирным населением" и членами Движения Сопротивления - честно скажу, не только из идеологических соображений, но и чтобы как-то прокормиться. В один не прекрасный день меня сцапало Гестапо, и я был приговорен к расстрелу. Я убежден, что очередная жертва мамы, ради моего спасения согласившейся на домогательства немца, спасла мне жизнь - расстрел был заменен отправкой в Бухенвальд, где я провел почти три года.

Как же после такого страшного опыта Вы нашли в себе силы лицедействовать?

Не сразу. После выхода из лагеря я был крайне истощен, весил 35 кило, да еще начал заикаться на нервной почве, так что мои «сценические данные» были очень сомнительными. Однако в Париже я познакомился с Марселем Марсо, который тогда еще не был всемирно известным мимом, но только мечтал о сцене. И заразил этой мечтой меня.

Через него я познакомился с Шарлем Дюлланом, дававшим в Париже курсы

актерского мастерства, пользовавшиеся большой популярностью. Я набрался смелости и отправился на прослушивание. Мне нужно было сказать со сцены всего

несколько фраз, но я начал

заикаться сильнее обычного и вместо трагического эффект получился комическим, все засмеялись. Кроме Дюллана, который подошел ко мне и спросил: «Откуда ты, мой мальчик?» Я рассказал ему свою историю, и он принял меня на трехлетний курс обучения, не взяв ни копейки. А его фраза годы спустя стала названием моего автобиографического спектакля. Кстати, несколько лет назад я показывал его в лозаннском театре Vidy.

В Вашем обширном репертуаре особое место занимает Чехов. Почему?

Я его обожаю! Я сделал целый спектакль по его рассказам и получал от этой работы огромное удовольствие. Надеюсь, публика тоже. В Чехове есть все – глубина, легкость, юмор, человечность, трогательность... Это великий писатель.

А если у Вас какая-то любимая «русская» роль?

Да, это Смердяков в «Братьях Карамазовых».

Смердяков?! Не самый, скажем так, симпатичный персонаж...

Вот именно! Работа над этой ролью, над этим образом, который мне был, естественно, неприятен по сути своей, потребовала от меня такой напряженной работы, что я просто заставил себя его полюбить. Возможно, в какой-то степени мне помог взглянуть на мир его глазами общий «факт» нашей биографии – Смердяков ведь тоже был незаконнорожденным ребенком. В актерском деле надо не только умом понять или сердцем почувствовать, но соединить и то, и другое. А это очень трудно.

Были ли Вы знакомы раньше творчеством Даниила Хармса?

ше с

Нет, но сразу влюбился в его тексты, в их прекрасную абсурдность, которую до конца может понять лишь человек, сам переживший не поддающиеся рациональному объяснению ситуацию: концлагерь, что фашистский, что советский, например.

В Европе много говорят о «загадочной русской душе» и так далее. По крови Вы - наполовину русский, хоть и не были воспитаны в этой среде. Довелось ли Вам столкнуться с каким-то проявлением этой «загадочной души», оставившим след в Вашей памяти?

Да. Это очень личный момент, но я готов им поделиться, так как он очень показателен. Во время тех знаменитых московских гастролей, с которых мы начали нашу беседу, на каждый наш спектакль приходила одна молодая женщина, актриса. Мы познакомились и, дело молодое, влюбились. Она жила с родителями в маленькой квартире, они спали в одной комнате, а она на диване в гостиной. Родители несколько раз приглашали меня ужинать, и, несмотря на языковой барьер, мы подружились. Ужинал я у них и в последний вечер, накануне нашего отъезда во Францию. Ясно было, что мы больше не увидимся. И вот представьте себе, после ужина ее отец говорит мне: «Знаешь, ты можешь остаться, мы уступим вам нашу комнату». Вот эта невероятная душевная щедрость пополам с фанатизмом и определяет для меня загадку русской души.

[Чехов](#)

Статьи по теме

[Даниил Хармс по-французски в японском стиле](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/10510>